

А. Н. ВЛАСОВ

Сказание о грамоте и пермской азбуке в истории книжной культуры Древней Руси

(Некоторые аспекты изучения)

Зырянская (или пермская) азбука дошла до наших дней в немногих образцах древнего письма. Известно до 28 списков XV—XIX вв. (с более древних и не дошедших до настоящего времени памятников). При этом только некоторые из них дают полное начертание знаков пермского алфавита, а в других встречаются лишь незначительные, как правило, фрагменты текстов или отдельных слов на полях рукописей.¹

Пермскую азбуку закономерно относить к типу миссионерских азбук, ею завершается средневековый период алфавитотворчества в православном христианском мире.² Стефан Пермский, русский по рождению, из города Устюга решился на этот исключительный подвиг — распространение христианского учения среди языческих народов Севера, подобно первым апостолам и славянским учителям.

Осуществление этой миссии объективно входило в разряд важнейших государственных задач. Становление единого Русского государства в период XIV—XV вв., укрепление государственности происходили также благодаря колонизационной политике в северных пределах Московской Руси.

Создание Пермской епархии в Усть-Выми устюжанином Стефаном явилось значительным вкладом русской православной церкви в этот процесс и в какой-то степени закономерным этапом на пути культурного освоения северо-восточных земель.

Основание епископии в 1383 г. и рукоположение Стефана на кафедру в Великой Перми митрополитом Пименом позволило создать скриптории, школы для обучения грамоте местного (пермского) населения. Сама историческая обстановка и действия миссионера напоминали деяния и время первых христианских учителей.

Необходимо отметить, что возникновение древнепермской письменности происходило в период «второго южнославянского влияния», что способствовало обостренному вниманию со стороны древнерусских книжников к языковой политике того времени. Характеризуя эту эпоху, Д. С. Лихачев пишет, что «для определения сущности второго южнославянского влияния в России большое значение имело бы выяснение философского смысла проникшей на Русь евфимиевской книжной реформы — реформы принципов

¹ Подробный разбор этих надписей см. Лыткин В. И. Древнепермский язык. Л., 1950.

² Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 178.

перевода с греческого, реформы литературного языка, правописания и графики, — произведенной в Болгарии, но распространившейся и в других южнославянских и восточнославянских странах».³ В настоящей работе мы попытаемся показать культурно-историческое значение азбуки Стефана Пермского в истории древнерусской письменности XIV—XVII вв.

Несомненно, что Стефан ориентировался на кирилло-мефодиевскую направленность в решении вопроса трансляции христианского учения среди иноязычного населения.⁴ Изучение им древнегреческого языка в Ростовском монастыре Григория Богослова («Братском затворе») ясно показывает, что для русского миссионера было важно установить преемственность своего дела от греческой и славяно-русской православной традиции. Хотя азбука и церковная служба на пермском языке после смерти Стефана не получила широкого распространения и уже в XV в. пермский язык не использовался в богослужебной практике,⁵ тем не менее сам факт создания азбуки и ее сочинитель оставили глубокий след в древнерусской книжности всех последующих столетий. Несомненно, такому вниманию способствовало написание Епифанием Премудрым Жития Стефана, в котором одна из глав специально посвящена описанию просветительского подвига Пермского епископа.

Собственно, эта глава и явилась основным источником составления сказаний о пермской азбуке для последующих поколений древнерусских книжников.

Епифаний составил текст главы на основании известных в древнерусской традиции памятников «О письменах» Черноризца Храбра и Житий Кирилла и Мефодия. Епифаниевский текст «О азбуке пермской» представляет собой развернутое в стиле «плетения словес» похвальное слово Стефану, создателю новой письменности. Заимствуя у Черноризца Храбра главным образом те места, где подробно рассказывается о самом факте сложения алфавитов, автор Жития Стефана исключил полемическую направленность древнеболгарского памятника⁶ и своеобразно «обыграл» факт сложения азбуки Стефаном как продолжение просветительской миссии Кирилла и Мефодия среди языческого народа («Не токмо бо святым крещением просвети, а но и грамоте сподоби я и книжный разум дарова им и писание предасть им, еже новую грамоту сложи, еже незнаемую азбуку Пермскую съчини, и теми писменными словесы книги мнози написав, предасть им, его же до толе век свой не стяжаша»);⁷ Прославляя просветительский подвиг Стефана, Епифаний придает его труду провиденциальный характер: «Бог, не оставляя рода человека без разума», «пощаде и помилова люди Пермскаго языка», послал к ним «мужа добра и благоговейна» Стефана. В характерной для стиля Жития риторической стихии заимствованные фрагменты текста «О письменах» теряют первоначальную идейную направленность и выступают в качестве аргументов, с помощью которых автор доказывает несравненность подвига святого («Коль много лет мнози философи еллинстии собирали и составляли грамоту Греческую, и едва уставили мнозему труды, и мно-

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII в. Эпохи и стили. Л., 1973 С. 84

⁴ Р. Пиккио, обращаясь к анализу известного древнеславянского памятника «О письменах» Черноризца Храбра, указывает наличие двух тенденций в миссионерско-языковой политике Византии. Кроме того, он считает, что создание новой языковой общности укрепляло саму христианскую идею еще первых славянских апостолов, именно она впоследствии отразится в политическом лозунге «Москва — Третий Рим». См. Пиккио Р. Православного славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993 С. 300

⁵ Прохоров Г. М. Стефан, епископ пермский // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2 С. 411—416

⁶ Куев К. Черноризец Храбр. София, 1964

⁷ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана бывшего в Перми епископа // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1862. Вып. 4 С. 151

гими времена едва сложили! А Пермскую грамоту един чернец сложил, един составил, един счинил, един калогер, един мних, един инок, мнимии епископ, един в едино время, а не во многа времена и лета, якоже и они, но един инок, един во единеньи уединися, един, уединенный, един единого Бога на помощь призываа...».⁸

Полемическая направленность Сказания «О письменах» в вопросе о праве существования славянского книжного языка наряду с еврейским, греческим и латинским в эпоху Епифания Премудрого теряет свою остроту. Поэтому данный фрагмент текста даже опускается в главе «О азбуке пермской» («А друзии мнят яко Бог сам есть створил писмена и не ведят ся что глаголюще окаянии. И яко трими языки есть Богъ повелеть книгам быти, якоже и в евангелии пишеть: И бе дьска написана жидовьскы и римьскы и эллиньскы, а словеньскы несть тоу. Тем же не суть словеньскы у книги от Бога. Къ тем что глаголем? Или что речем къ тацем безумным? Обаче рече от святых книг якоже научихомся, яко все по рядоу бывають от Бога, а не иногдоу...».⁹ Полемичность главы «О азбуке пермской» заключается в иной постановке вопроса — о целесообразности изобретения Стефана. Вопрос этот Епифаний формулирует таким образом: «Неции же, скудни суще умом, реша: почто ли сътворени суть книги Пермския, или что ради со- ставлена бысть азбука Перския грамоты? И прежде бо сего издавна в Перми не было грамоты, пошлина сущи такова, не имущим им издавна у себе грамоты, и тако ижжившим имъ век свой без нея, ныня же въ скончания лет, в последняя дни на исход числа седмыа тысящи, паче же мала ради времени, точию за 120 лет до скончания веку, грамота замышляти! Аще ли и се тебе есть, достояше паче Рускаа, готова сущи грамота, юже предати им и научи я, суть ли сътворени книжная, иже издавна по пошлине имуще языцы у себе, якоже се жидовски, елински, римски...».¹⁰

Без сомнения, вопрос этот не остался без внимания русских книжников и особенно остро обсуждался в церковных кругах в связи с возникновением стефановской азбуки. Косвенно об этом свидетельствует дошедший до нас в переработанном виде список Сказания «О письменах» (Син. собр., № 6) в составе Сборника XIV—XV вв., содержащем, кроме того, известный памятник древнерусского права «Митрополичье Правосудье».¹¹

Этот список (Син. собр., № 6) попал в поле зрения болгарской исследовательницы произведений Черноризца Храбра А. Джамбелука-Коссовой. В результате сравнительного текстологического анализа она пришла к выводу, что этот список является осознанной переработкой русским книжником болгарского памятника, сам же отредактированный текст возник в связи с учебными нуждами.¹² Интересен этот список прежде всего тем, что в нем содержатся уже некоторые сведения об азбуке Стефана: «Преже всех грамот жидовьская, а потом елиньская снята с тое же, а потом римьская и друзии потом грамоты, а по мнозех летех грамота русская снята с греческия грамоты. Жидовьские грамоты 1-е с аз, ино алфа. А греческие грамоты прьвое с алфа, 2 русския грамоты прьвое с аз, б, в, г, д. А перемские грамоты прьвое с бур, гаи, дои».¹³

Этот текст возник на рубеже XIV—XV вв. одновременно с «Митрополичим Правосудьем», т. е. после Двинской грамоты (1397 г.), и входил в общий комплекс письменных памятников, связанных с образованием Перм-

⁸ Там же С 152—153

⁹ Тихомиров М. Н. Правосудье митрополичье // АЕ за 1963 г. М., 1964 С. 34—35

¹⁰ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана С. 152

¹¹ Тихомиров М. Н. Правосудье митрополичье С. 44

¹² Черноризец Храбр О писменехъ София, 1980 С. 78—79

¹³ Тихомиров М. Н. Правосудье митрополичье С. 34

ской епархии. Текст списка занимает промежуточное положение между древнеболгарским Сказанием «О письменах» и главой «О пермской азбуке» из Жития Стефана. В нем еще сохранен как исторический анахронизм полемический пассаж о священности трех языков и о равенстве с ними других языков. Для Епифания же, как мы видим, это уже было малоактуально, и обращается он к этой теме совсем по другому поводу.

Возможно, такая постановка вопроса и проясняет последующую судьбу древнепермской письменности. Действительно, оппоненты Стефана (120 лет до наступления конца света показывают нам, что 1372 г. датируется создание пермской азбуки, следовательно, спор возник еще при жизни Стефана и именно с ним) выражают сомнение в необходимости и полезности труда по составлению новой азбуки, так как ввиду близости конца света в этом нет необходимости, но если даже в этом и ощущается потребность, то не лучше ли просветить языческий народ при помощи русских книг, ставя они вопрос.

Можно предполагать, что в послестефановское время эта точка зрения нашла больше сторонников и как такового развития письменного языка у пермяков не последовало. В течение XV в. (до упразднения в Усть-Выми епископской кафедры) происходит затухание древнепермской письменности. Этим же объясняется и то, что сохранившиеся рукописи с начертанием пермских знаков и отдельные фрагменты текста и слов датируются преимущественно именно этим временем.¹⁴ Ни книг Священного Писания, ни отдельных служб на древнепермском языке практически не сохранилось до нашего времени. Таким образом, можно констатировать, что древнепермский язык не состоялся как язык письменный. И как показывает в своих исследованиях на материале богослужебных текстов более позднего времени К. Редей, пермская (зырянская) письменная речь находилась в теснейшей связи с церковнославянским языком.¹⁵

Таким образом, созданный Стефаном алфавит и, возможно, переведенные им некоторые образцы богослужебных и священных текстов противоречили последующему ходу языковой политики Русского государства: в едином государстве должен быть и единый государственный язык. Другой причиной забвения стефановского алфавита могла быть и внутренняя языковая ситуация на территории Перми. Созданная на основе одного из диалектов пермского языка финно-угорских народов, расселенных в бассейне р. Вычегды, письменность не отражала всего многообразия этнолингвистических особенностей новопросвещенного народа и, очевидно, не имела желаемого быстрого распространения по всей территории среди разных этнических групп финно-угров.¹⁶

Епифаний отстаивает правоту дела Стефана при помощи тех же аргументов, которые приводятся в Сказании «О письменах» Черноризца Храбра. Он обращается к истории возникновения письменности и азбук. Однако если автор Сказания старается отстоять статус славянской письменности как равной трем другим священным языкам, то для Епифания создание пермской письменности является воплощением гуманистической идеи просвещения народов, равных перед Богом. Поэтому он вкрапляет в заимствованный из текста «О письменах» фрагмент о разделении между народами ремесел цитату из Бытия: «...ю же грамотою и Моисей потом писаше о бытии всего мира бытийска книги, в нихже писано, яко Бог сътвори небо и землю и вся яже на нею, и человека и прочее все по ряду...». ¹⁷ Надо признать, что

¹⁴ Некрасов И. С. Пермские письмена в рукописях XV века. Одесса, 1890.

¹⁵ Redei K. Syranische Chrestomathi Vit Grammatik und Glossar. Wien, 1978.

¹⁶ Лыткин В. И. Древнепермский язык. С. 19—22.

¹⁷ Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана. С. 152.

гуманистический пафос произведения Епифания был рожден временем конца XIV—начала XV в., периодом, в который древнерусская культура находилась на подъеме. Одной из характерных черт ее была попытка осмыслить Древнюю Русь в контексте мировой культуры и ощутить себя наследницей и хранительницей ценностей православного мира. Русская культура впервые приняла и попыталась осознать свои миссионерские задачи, вплотную подошла к идее «Москва — Третий Рим». На этой идее основывается гуманизм Епифания и его пафос при описании просветительской деятельности Стефана, в нем содержится прославление человека («собеседника своего»), совершающего подвиг миссионера среди языческих народов.

Своеобразное пробуждение интереса к миссионерскому подвигу Стефана Пермского возникает в XVI в., середина которого характеризуется сосредоточенной работой древнерусских книжников над составлением Макарьевских Миней Четых. Инок Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря Иосиф снимает для митрополита Макария отдельный список с главы «О азбуке пермской» из Жития Стефана.¹⁸ Текст «Сказания о сложении азбук и о составлении грамот, како и когда и в кое время и от которых святых отец и дивных и премудрых философов» претерпел некоторую редакторскую правку. Об этом писец в самом начале предупреждает адресата: «Списано вкратце от жития святого отца нашего Стефана епископа Пермского».¹⁹

Сам текст начинается с библейской цитаты из Бытия («Искони сотвори Бог небо и землю и первого человека от земли и жену ево...»), которая приводится в Житии в сокращенном виде и выступает в качестве одного из аргументов в споре с противниками дела Стефана.²⁰ Очевидно, Иосиф начинает с нее свое Сказание, чтобы выразить последовательность исторического хода событий и значение в нем изобретения письменности. Таким образом вообще устраняется епифаниевский элемент полемики. Сказание становится чисто историческим сочинением. Оно как бы «вырывается» из контекста эпохи Стефана Пермского и Епифания Премудрого. Текст его становится значительно суше стилистически: утрачивает характерный для Жития стиль «плетения словес».

Документальность Сказания подчеркивается строгим следованием за фактами. Так, начало письменности связывается с фактом разделения народов после столпотворения, с именем Адамова сына Сифа. Выстраивая рассказ о постепенном распространении письменности у разных народов (сначала у евреев, затем у греков, римлян, русских и позже всех у пермяков), Иосиф дополняет его новыми фактами и комментариями. Он обращается к вопросу о происхождении трех разных названий еврейского народа и считает, что название «евреи» произошло от имени Евера, «иудеи» — от Иуды, а «жиды» связано с известной историей о Иосифе Прекрасном, которого оклеветала жена Потифара.²¹ Начало русской (славянской) письменности он, как и Епифаний в Житии, относит к 855 г., т. е. за 120 лет до крещения Руси (ко времени княжения Рюрика). Создание пермской азбуки Стефаном он датирует тремя годами позже, чем Епифаний (за 120 лет до конца света, т. е. 1372 г., а у Иосифа названа точная дата — 1375 г.).²² Правда, эта дата в тексте не подкреплена никакими фактами.

¹⁸ Дмитриева Р. П. Иосиф // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 432—434.

¹⁹ ГИМ, собр. Хлудова, № 147, Д, л. 396—399 об. См. публикацию текста в кн. Бодянский Н. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855. Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. Т. 1. С. 44.

²⁰ ГИМ, собр. Хлудова, № 147, Д, л. 396 об.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 399 об.

К дополнительным сведениям можно также отнести сообщение, что перевод книг с еврейского на греческий язык был сделан во времена Птолемея и Симеона Богоприимца.²³

Названия пермских букв в обоих памятниках даны в русской транскрипции без начертания их по-пермски. Судя по написанию их названий, можно заключить, что ни Иосиф, ни переписчики Жития Стефана Пермского не знали пермской азбуки.

Стремление к строгому отбору фактов из текста Жития и попытка расположить эти факты в той же хронологической последовательности делают Сказание, скорее, похожим на краткую историческую справку.

Отметим, что кроме Сказания о сложении азбук перу Иосифа принадлежат еще два близкие по жанру и тематике произведения: Летописец и сказание ко учению и рассуждению, Рассуждение ко учению вкратце.²⁴ Все три памятника входят в состав одного Сборника XVI в., который, возможно, принадлежал самому Иосифу.²⁵ Своего рода «научно-филологическая» тематика его отвечала одному из основных направлений творческой деятельности Иосифа, который был учеником Максима Грека.²⁶

Еще один список Сказания о грамоте и о пермской азбуке сохранился в Сборнике середины XVII в.²⁷ Содержание Сборника отражает интерес его составителя к языковым проблемам. Кроме Сказания о грамоте и о пермской азбуке в его состав включены отдельные словарные статьи из латинско-греческо-русского Лексикона, Сказание неведомым речем, Написание словенским языком о буквоунице, Грамматика Лаврентия Зизания, О краеграниях Максима Грека.²⁸

Обращение неизвестного переписчика ко времени создания пермской азбуки следует объяснять, очевидно, общим интересом русских книжников к лингвистическим проблемам своего времени и связывать с книжной реформой середины XVII в., правкой богослужебных книг. Этими причинами обуславливается интерес и к более ранним периодам в развитии письменности на Руси.

Текст Сказания о грамоте и о пермской азбуке ближе к житийному тексту, чем Сказание Иосифа. Он состоит из отдельных фрагментов текста житийной главы «О азбуке пермской». Новый редактор только поменял местами отдельные фрагменты и существенно сократил сам текст главы жития, практически ничего не дополнив от себя.

Сказание начинается с отрывка о разделении языков и ремесел после столпотворения, затем следует выписка о создании греческой азбуки и письменности. Сведения о возникновении пермской письменности писец выделяет под особым названием «О пермской азбуке» и тем самым как бы делит весь текст Сказания на две части.²⁹ В начало второй части из житийного текста переносятся сведения о создании славянской письменности и приводятся названия букв разных алфавитов. Затем следуют названия, без начертания по-пермски, всех букв пермского алфавита. Заключительный фрагмент Сказания представляет собой своеобразную похвалу просветительно-

²³ Там же, л. 400

²⁴ Шляпкин И. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели Сб. науч. трудов СПб. 1911. С. 567—568; Лопарев Х. Новый памятник русской литературы. Произведения монаха Иосифа 1559 г. // Библиограф. 1888. № 2. С. 66—74.

²⁵ Лопарев Х. Описание Хлудовской рукописи № 147, Д. // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 1—18.

²⁶ Дмитриева Р. П. Иосиф. С. 434.

²⁷ ГИМ. собр. Уварова, № 187, л. 309 об.—317 об.

²⁸ См. Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова М., 1894. Ч. 4. С. 181—183.

²⁹ ГИМ. собр. Уварова, № 187, л. 312 об.

му подвигу Стефана, также выписанную фрагментарно из житийного текста. На этом основании можно заключить, что текст Сказания о грамоте и о пермской азбуке непосредственно восходит к тексту Жития и является новой версией XVII в., не связанной прямо с текстом Иосифа. Следовательно, епифаниевский текст житийной главы «О пермской азбуке» в обоих случаях был основным источником при создании самостоятельных памятников о пермской азбуке.

Составление сказаний о пермской азбуке в XVI и XVII вв. разными редакторами показывает, насколько был устойчив интерес русских переписчиков к выдающемуся деянию Стефана Пермского. В их текстах не приводятся начертания самих пермских знаков, очевидно, что вопрос о сохранении и функционировании письменности на пермском языке в их время не ставился вообще. Однако сам факт ее создания воспринимался как величайшее культурное достояние Древней Руси, как одна из важных вех на пути осознания Россией своей выдающейся миссии в православном христианском мире.